

КОНСТАНТИН УТКИН

ХОЗЯИН ЖИЗНИ – ЭТАНОЛ



Константин Уткин

Хозяин жизни – Этанол

«Автор»

2009

Уткин К. А.

Хозяин жизни – Этанол / К. А. Уткин — «Автор», 2009

Он входит в нашу жизнь под маской друга; он говорит, что вливает красноречие в уста молчунам, дает решительность робким и заразительную веселость стеснительным, он заставляет забыть про кривые зубы, спелые прыщи, сияющие лысины, впалые груди рыхлый жир. Он развязывает руки, языки и дарит предприимчивость при любовных свиданиях; он развеивает приступы вечерней печали и заставляет играть более яркими красками утреннюю бодрость. Он помогает творцам творить, подстегивая воображение. Он помогает молодежи приобщиться к взрослому миру... И он, ненасытный, ежедневно требует новых жертв, и невинных пока людей продолжают вести к нему на заклатие... Никто не видит себя деградировавшим существом, от резкой вони которого шарахаются даже собаки – когда под одобрительными взглядами рабов принимают первую рюмку из многих последующих. Никто не понимает, что не становится лучше и умнее, а лишь приближается к границе, жизнь за которой хуже смерти... Никто по доброй воле не пойдет в смрадную трясину – поэтому стоящие в ней по пояс рабы с улыбочками берут под руки и помогают сделать первый шаг...

© Уткин К. А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Начало	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Константин Александрович Уткин

Хозяин жизни – Этанол

Он входит в нашу жизнь под маской друга; он говорит, что вливает красноречие в уста молчунам, дает решительность робким и заразительную веселость стеснительным, он заставляет забыть про кривые зубы, спелые прыщи, сияющие лысины, впалые груди рыхлый жир. Он развязывает руки, языки и дарит предприимчивость при любовных свиданиях; он развеивает приступы вечерней печали и заставляет играть более яркими красками утреннюю бодрость. Он помогает творцам творить, подстегивая воображение. Он помогает молодежи приобщиться к взрослому миру...

Все так... он рождает болтливость, которую скорее можно назвать словесным поносом – и собеседник в этом случае играет роль свободных ушей, не более того. Решительность как-то невзначай подменяется хамством и наглостью, за которые нормальному человеку становится стыдно. Он действительно отодвигает на задний план физические недостатки, устраняя само стремление к совершенству. Он развязывает руки и языки при свиданиях, это так, но все большие и большие дозы делают мужчину все меньше и меньше мужчиной. Он развеивает приступы вечерней печали, заменяя ее черной хмарью беспощадной тоски, от которой хочется рвать зубами вены и биться о стены головой. Утренняя бодрость сменяется разве что лихорадочной активностью – при этом совершенно бессмысленной и непродуктивной. Творцов он лишает главного – чувства меры... Молодежь он приобщает к миру грязи, предательства, проституции, деградации вплоть до полного оскотинения, вымирания.

На его счету еще много чего – разваленные топорами головы, вспоротые животы, пахнущие калом висельники с вывалившимися синими языками, трофические язвы на раздутых, багрово-лиловых ногах, недоразвитые уроды, выходящие из отравленного чрева, голодные дети с задержкой развития, сбитые машинами ни в чем не повинные люди, толпы отравленных в лагеря...

Он приходит в нашу жизнь звоном рюмок над колыбелью новорожденного; он остается в граненой стопке под черным ломтем после ее завершения.

Он заводит знакомства, он бросает в постель, он заставляет совершать необдуманные поступки и рушить карьеры, а иногда их строить, но приводя все к единому концу – он хозяйничает. Еще не было Хозяина на просторах несчастной страны, обладающего такой полнотой власти – царские династии и различные картавые и усатые самозванцы, уголовные диктаторы угрюмых северных земель по сравнению с ним картонные марионетки.

Вот он, настоящий бог – он многолик, вездесущ, неподвластен уму, и фактически неуязвим. Крестами на могилах уничтоженных им рабов можно покрыть несколько стран; из описаний разрушенных судеб составить библиотеку толстых томов; и ему поклоняются – кто-то явно и даже демонстративно, как мой бывший друг Лесин, кто-то тайно, обманывая себя и других, кто-то удерживаясь со все большим трудом на своем месте социальной лестницы, кто-то – давно и безвозвратно скатившись в самый низ.

Конечно, Хозяин слишком хитер для столь жестоких определений и всегда и оставляет лазейку для своих слуг и рабов. Можно отдавать ему свои силы и не сознавать этого и быть благодарным за каждый подлый удар, который Хозяин наносит по телу.

Рабы, которые безоговорочно и полностью отдали свою волю в Его распоряжение, обладают широким выбором убеждений. «Сто грамм для храбрости», для сугрева, для настроения, встретить, помянуть, отметить, залить горе, подчеркнуть радость, развеять хмарь...

И он, ненасытный, ежедневно требует новых жертв, и невинных пока людей продолжают вести к нему на заклятие...

Мне тяжело про это писать. Моя история песьей службы Хозяину отличается от миллионов таких же историй только частностями. Но эти частности до сих пор саднят и кровоточат – хотя жизнь без хозяйского жестокого гнета стала легче и привлекательней во всех своих проявлениях.

Я знаю о комедийности некоторых записанных ниже отрывков. Не скажу, чтобы меня это радовало. Хорошо смеется тот, кто смеется последним – в этом случае последним всегда смеется Хозяин, Абсолютное зло, раздавив и уничтожив очередную судьбу. Юмор, который сопровождает приключения пьяных бедняг, сродни юмору висельников. «И сколько весит этот зад, узнает скоро шея».

Но даже с ними, с этими вызывающими улыбку и даже несущими некий ностальгический отблеск моментами за всеми строчками прослеживается встающая чернота и веет ледяной тоской – Хозяин никого не отпускает просто так. Плата, которую рабы отдают за свою свободу, изначальную и принадлежащую им по праву, не всякому под силу. Обычно к этому моменту от человека остается только внешняя оболочка, и оценить масштаб разрушений, который нанес Хозяин психике своего слуги, действительно невозможно.

Никто не видит себя деградировавшим существом, от резкой вони которого шарахаются даже собаки – когда под одобрительными взглядами рабов принимают первую рюмку из многих последующих. Никто не понимает, что не становится лучше и умнее, а лишь приближается к границе, жизнь за которой хуже смерти...

Никто по доброй воле не пойдет в смрадную трясину – поэтому стоящие в ней по пояс рабы с улыбочками берут под руки и помогают сделать первый шаг...

Начало

В принципе, если разобрать каждый конкретный случай алкоголизма – думаю, что везде есть одинаковые черты.

Бабка Маня, которая не пила сама – но всегда давала отцу на опохмелку. Бабка Аня, которая уже в последние дни, будучи фактически прикованной к постели – при чем, по видимому, добровольно, ноги у нее к тому времени и срослись и могли ходить – ни разу не моей памяти не отказалась от рюмочки беленькой. Конечно, она оставалась себе верна – как только чувствовала, что хватит, то переворачивала рюмку вверх дном. И все, заставить пить ее после этого было невозможно.

Дед Коля, который сжег себе легкие у кузнецкого горна, заработал эмфизему, но продолжал курить Беломор и регулярно пил. Впрочем, его я почти не помню – смятые папиросные гильзы в раковине гребешка, узловатые пальцы, хриплое дыхание и постоянное хулиганство. Мимо тещино дома... так вот жопу дед, старый охальник, показывал постоянно. Такая у него была шутка.

Хорошо помню, как дед выпил с дядей Андреем бутылку водки и потом, пошатываясь, пошел спать в большую комнату. Я, кажется, смотрел телевизор – он у них стоял без тумбочки, на длинных ножках на полу. Дед лежал на спине, и вдруг захрипел, забулькал, из уголка рта побежала кровь... я кинулся на кухню, крича, что дед умирает, мне никто не поверил, хорошо, что не отшлепали за такие шутки. Поверили, лишь когда у меня началась истерика...

В то время я жил у бабушки – мать заканчивала, по-моему, техникум, и на сына времени у нее, конечно, не оставалось. Воспитание бабки сводилось к тому, что она меня регулярно выгоняла гулять. А вот сам я пойти на улицу не мог – ну как это так, куда-то двинуться без горячо любимой мамочки?

В классе появился друг – Лешка Лукьянов, по – моему. Помню, что у него были прямые черные волосы. С ним вместе мы исследовали весь район – благо машин тогда практически не было, были густые заросли кустарника под окнами, деревья и отчего-то много дохлых кошек. Может, просто потому, что самих кошек был избыток? Коты орал по ночам дурными головами и мешали спать. Мы бегали в зоомагазин на Щелковском шоссе – он до сих пор существует – покупали среднеазиатских черепах весной, они грудками лежали в сетчатых вольерах, и аквариумных рыбок. Первая рыбка моя была – петушок, синего цвета...

Лазили в нагромождения мрамора – прямо рядом с домом начиналась промышленная зона куда мы с опаской, но наведывались. Огромные квадратные глыбы мрамора, хаотично наваленные, образовывали такой своеобразный лабиринт – вот в него мы и ввинчивались.

Матушку в это время я почти не видел – помню, как она в прихожей, приплясывая, потрясла какой-то синей корочкой. Это означало, что она получила диплом и помощь бабушки в воспитании сына больше не требуется...

И вот мы переехали на третий проезд Подбельского.

Помню, что добираться туда было довольно неудобно – от метро Преображенская площадь ходили три трамвая, четверка, тринадцатый и тридцать шестой. Самым удачным считалось попасть на четверку – она делала круг в том месте, где сейчас метро Улица Подбельского. Там находился домик диспетчерской, в которой водители отмечали путевые листы – в окружении огромных тополей и кустов шиповника.

В те времена с Хозяином я почти не сталкивался. А если и происходили какие-то встречи, то они носили исключительно отрицательный оттенок.

Я же любил отца – и просто так, и потому, что слишком редко его видел, и потому, что он никогда меня ни к чему не принуждал и не заставлял.

Я очень любил – и сейчас люблю – матушку.

И помню, как противно мне было видеть изменения моих любимых людей после первой же рюмки. Замедленно моргающие веки (кстати, ни один режиссер не обращает внимания на эту особенность пьяного человека – он очень медленно моргает. Он еще не начал нести пургу, еще координация движений более-менее нормальная ... но вот веки выдают с головой. Поэтому, кстати, все, кто изображает пьяного, выглядят дешевыми шутами.)

Воспоминания того времени очень смазанные и нечеткие – может быть, это следствие двадцати лет песьей службы Хозяину...

Какие-то шашлыки среди березовых стволов на нежной травке – закат, золотящий атлас белой коры, букетик ландышей, ноющее разноголосье льнущих к телу комаров, вечная горечь дыма и такая же вечная грусть... и ожидание – вот сейчас люди перестанут быть людьми. Сейчас они станут какими-то мерзкими, развязными и неестественными существами, не понимающими, когда надо остановиться...

Именно тогда матушка стала приучать меня к лыжам. Мы проходили мимо мясокомбината – по плоской крыше складов бегали и облаивали нас здоровенные дворняги, переходили дорогу и вот она, зимняя сказка. Я уставал так, что едва ли не падал на лыжне – но, видимо, одновременно получал такое же удовольствие. Помню, что у меня не хватало сил застегнуть только что купленные жесткие крепления – может, дырки в кожаном ранте, проделанные неумелой женской рукой, были малы, или действительно не хватало сил – но я очень с ними мучился. Пока не догадался использовать палку вместо рычага.

«Все жили ровно, скромно так, система коридорная, на тридцать восемь комнаток – всего одна уборная» Да, именно так – на Третьем проезде мы были счастливыми хозяевами комнаты в коммуналке. Конечно, соседей было не тридцать восемь, такая экзотика даже в те года сохранилась только в некоторых старых домах центра – а всего лишь две комнаты. С одной стороны жила тетя Тамара – одна, сын появлялся время от времени между отсидками. С другой стороны – Любка, именно так ее и звали соседи, и я тоже не буду изменять традицию. Вот так. Две одинокие женщины с сыновьями и пьющая старуха...

Сейчас я понимаю, что Люка была просто несчастной одинокой бабой, и свое нереализованное либидо выплескивала в уборку. Даже паркет возле ее двери был темен от постоянного мытья и вздут... общение сводилось к небрежному «здраси» при встречах в коридоре – вешалки с вещами находились возле дверей и пересекались приходилось в любом случае.

Любка не пила, да и компаний у нее почти не водилось. Но вот с другой стороны, у тети Тамары веселые гоп-компании собирались регулярно. Меня они не беспокоили – стены сталинской пятиэтажки слабо пропускали звук, да и матушка туда регулярно навещалась. Возвращалась довольная, раскрасневшаяся, взбудораженная и отчего-то вдруг становившаяся до омерзения вульгарной...

Тетя Тамара не была совсем одинокой. Насколько я помню, даже со своей пенсии и работы – она ходила на соседний завод мыть полы – откладывала некую толику на возвращение сына. «Малой» как она его называла, дядя Саша – как называл его я – постоянно сидел, но и появлялся регулярно. По крайней мере худо– бедно видеть мне его приходилось.

Ну так вот он возвращался, пропивал все, что копила мать, потом пару раз приходил участковый – и дядя Саша шел опять на зону. Статья была всегда одна – тунеядство...

Только сравнительно недавно он стал жить так, как всегда стремился, когда за тунеядство сажать перестали. Он продал бабкину комнату, поселился у бывшей жены – деньги она частично пропили, частично забрала дочь Лидка. Ну а в остальном жизнь его фактически не изменилась – нары он сменил на диван, и продолжал сидеть, глядя в телевизор.

* * *

Наша жизнь, в общем, текла достаточно налажено – дед перед смертью успел отстроить дачу, и мы туда постоянно ездили.

Тетя Капа, работавшая медсестрой, привозила спирт. Все, собравшись в сарае, выпивали по рюмочке другой, ели – поесть у нас всегда любили – и шли спать. Когда же просыпались, начиналась обычная садовая возня.

Даче принадлежит мое знакомство с сигаретами. Мать курила «Столичные» в твердой пачке – по тем временам проявление определенного пижонства – и одну сигаретку я легко стырил. Дождался ночи – матушка частенько проявляла вольнодумие и давала мне некоторую свободу – сказал, что останусь смотреть на звезды. Не помню, увидел ли я что-нибудь на ночном небе, дожидаясь, пока все заснут – скорее всего сидел, замерев в предвкушении новых ощущений. Решив, что все уснули и оглушительного в ночной тишине звука чиркающей спички никто не услышит, я прокрался в туалет. Точнее нет, в туалет я прошел уверенно – а вот уже там затаился. И чиркнул, замирая, и прикурил...

И естественно, задал себе вопрос, именно тот, что задают себе все, впервые в жизни взявшие в рот сигарету – что они все в этих сигаретах находят? Смерд во рту и ожог легких? Так что вопрос – курить или не курить – на много лет отпал сам собой.

Честно говоря, не помню – где я впервые познакомился с Хозяином. Хотя... если брать более крепкий, сорокаградусный его эквивалент, то, без сомнения, в гостях у тети Капы.

Ее однокомнатная квартира на улице Приорова вообще дала мне, тогда подростку, довольно много в плане образования. Именно там я рассматривал Медицинскую энциклопедию и был ошарашен, увидев изображение женских внешних половых органов. Даже, можно сказать, испуган – настолько страшен был черно-белый рисунок. Потом тетка украсила стену в туалете (прибив для этого специальные полочки) грудастыми бритыми в нужных местах красотками... нужно ли говорить, что я бегал в туалет по поводу, но чаще все-таки без него.

Именно у нее я впервые в жизни услышал Высоцкого – и потрясение от его песен передать словами, мне кажется, невозможно. Помню, мы ждали троллейбуса на пустой зимней улице, в фонарном свете кружился легкий снег, а я все не мог успокоиться... «Здесь вам не равнина», «В суету городов и потоки машин»...

Потом я услышал на магнитофоне у соседа сверху «Две судьбы», «Балладу о детстве», и прочее, потом уже мне самому купили катушечник и многие годы самым надежным увлечением стало собирание песен. Так я и таскал эту свою «Язу», увесистый ящик с деревянной обшивкой, по друзьям и знакомым.

Именно у тети Капы я впервые принял власть Хозяина над собой и тогда началось это странное добровольное рабство – от которого я только сейчас делаю попытки освободиться. Смердная яма, в которую рабовладелец вышвыривает свой скот – поскольку его рабы к тому времени окончательно теряют человеческий облик – подошла слишком близко, чтобы ее не замечать...

Честно говоря, я не знаю, чем руководствовалась матушка, наливая мне первую рюмку. Зачем знакомить с Хозяином подростка, который в выходные дни ездит к ее сестре вместо того, чтобы бегать за девками, и с большим любопытством рассматривает медицинскую энциклопедию?

Я повел себя так, как любой неофит – рюмочку растительного яда опрокинул в себя, как бывалый выпивоха и удостоился заботливого и тревожного взгляда матушки. Уж больно легко выпил, а вдруг не в первый раз?

При первой встрече Хозяин повел себя, как ему и положено, лукаво – я взмыл на волнах беспричинной радости, порол чушь и заразительно сам же смеялся. У меня не было ни головной боли, ни извержения рвотных кислых масс, не было даже мертвого отупения с утра. Выпил, посмеялся и понял – сие есть хорошо. Хозяин получил пока еще не раба, но уже слугу.

Зато первое свое опьянение я помню очень четко. Не легкое, которое кроме приятного кружения головы и потом сонливости – а после сна все нехорошие симптомы куда-то испаряются – а настоящее, тяжелое, тупое, чреватое беспричинной агрессией и непредсказуемыми поступками.

И произошло это, естественно, в лесу. Естественно – потому что лесом меня связывала всегда какое-то странное родство, приязнь и даже дружба – как бы нелепо это ни звучало.

К тому времени я уже обзавелся друзьями. Нет, не школьными – спутники моих самых счастливых годов относились ко мне, прямо скажем, пренебрежительно. Двоечник, мечтатель, неудачник, слабак. Дрался я крайне неохотно и даже сдачи давал – только когда очень сильно доведут. Впрочем, в таких случаях лупил направо и налево, не разбираясь, кто прав, кто виноват, частенько доставалось и случайным зрителям.

Да и мою любовь к живой природе почти никто не разделял. А я вечно таскал домой всякую водяную живность из болота, на месте которого сейчас метро-депо, разнообразя обитателей маленького и темного аквариума, одно время держал ужонка (когда он, к моему разочарованию, сдох, на фабрике «Природа и школа» его очень мило и профессионально заспиртовали.)

И тогда я совершил первый из непредсказуемых шагов, которые потом будут поворачивать мою жизнь в самые неожиданные стороны – взял и написал в журнал «Юный натуралист». Что-то вроде – а как содержать хомячков?

Самое удивительно, что ответ не только пришел, но и пришел довольно быстро. Кроме ответа – некий В.В. Строков подробно описывал, как хомячков содержать – в письме было приглашение в Клуб Юных Биологов и Краеведов.

Про жизнь в этом кружке можно писать долго и весело. В частности, АИБ, (Алексей Иванович Быхов, руководитель кружка) как-то вечером предрек мне писательское будущее. Как оказалось, он не очень сильно ошибся...

Впрочем, писателями у него были все. На каждом занятии дети, послушав рассказ докладчика о какой-либо живности, писали свои впечатления. Потом все это – за чаем с баранками – зачитывалось АИБом с издевательскими комментариями. Нет, не издевательскими – он просто добродушно вышучивал всякие стилистические и орфографические ляпы, которых, надо думать, у школьников было предостаточно.

Кроме того, в кружке, поскольку он был все-таки биологическим, практиковались выезды на природу. Под Можайском в лесничестве кружку выделили половину бревенчатого дома – и каждые выходные круглый год мы туда ездили. Для городских детей это было довольно экстремальным занятием – долгая дорога, сначала на электричке, потом на деревенском автобусе, потом минут сорок ходьбы по черному заснеженному лесу, потом надо растопить печь, принести воды, приготовить ужин...

Вечные шутки, вечный хохот... первые заинтересованные взгляды на девчонок... первая любовь – Оля Коренева. Потом я узнал, что в подростковом возрасте она выбросилась из окна. Конечно, оттого, что ей изменил какой-то мальчик.

Вторая любовь – Оля Владимировна. Я с ней сравнительно недавно разговаривал по телефону. С ней все нормально, вырастила дочь, работает в обменном пункте. Меня, как ни пыталась, вспомнить не смогла...

Кружку можно посвятить отдельную книгу – тем более что все дневники прекрасно сохранились. Но у этой рукописи цель другая...

Впервые нажрался я (будем называть вещи своими именами) у костра в зимнем лесу во время школьных каникул. Хорошо помню, что я вез на базу килограмма три вырезки – чудовищный по советским временам дефицит – и оставил сумку с мясом на остановке... по этой потере я так потом убивался, что друзья – кажется, Шурик Макроусов и Боря Борисов – пригрозили, если не перестану ныть, лишит меня спиртного. Угроза была нешуточная, они действительно могли. Пришлось страдать о потерянном мясе молча...

Мы ждали, пока АИБ замерзнет у костра и пойдет в дом спать – а уложить Алексея Ивановича, ярчайшего представителя сов, раньше других задача почти невозможная. Дождались. И напились...

Помню, как плясало передо мной багровое пятно углей, через которые мне постоянно приходилось перескакивать, помню колющие еловые лапы, трещащие от веса моего тела, помню предательски убегающую землю и ноги, которые отчаянно пытались ее остановить.

Утром я ждал всем известного признака похмелья – трещащей башки и страдал оттого, что надо будет похмеляться, а похмеляться-то нечем...

Получалось, что о нраве Хозяина я знал еще до знакомства с ним и не шарахался, как от чумы, а с тупостью овцы и ее же покорностью следовал за стадом. Очевидно, что своих рабов Хозяин отбирает еще и по этому признаку – боязнь свободы и одиночества.

Итак, первое знакомство с сильным опьянением прошло успешно.

Я раздул грудь, гордясь собой, своей, как мне казалось, зрелости. Куда исчезли детские взгляды на пьяного человека? Отвращение к замедленной речи и осоловелому взгляду, к нахальству и развязности куда-то пропали и на смену им пришло странное стремление к смерти.

Должно быть, в самоуничтожении есть какое-то непреодолимое влечение. Как иначе объяснить упорство, с которым люди подталкивают себе к черте, за которой никем не изведанная бездна?

Хотя в те времена такие мысли мне не приходили в голову. Выпить – это было ново. Выпить казалось смелым. К тому же КЮБиК я променял на кружок юных натуралистов при Дарвинском музее. Точнее говоря – меня туда привели. Тот же Боря Борисов и Шурик Макроусов.

Казалось бы – два кружка биологической направленности, какое тут может быть различие? И тем не менее оно было. В Дарвиновский музей меньшая часть народа ходила заниматься биологией, большая часть – для того, чтобы пить.

Катя Преображенская, руководитель кружка, конечно, не приветствовала такое положение дел, но при этом особо с ним и не боролась. Близкой базы, как а у АИБа, у нее не было, была биологическая станция Академии Наук под Костромой, но туда на выходные не наездишься. Так что народ ездил сам по себе, без внимательного ока старших. То есть старшие, конечно, были, и смотрели они на младших насколько им позволяло косое око – и видели младших настолько же косых.

Можно сказать, что выезды на природу продолжались – но боже мой, что это были за выезды!! Народ на вокзале шарахался от людей в странных одеждах – Борянушка, например, ездил в лес в собственноручно сшитом из армейской шинели анорাকে, с понягой за плечами (Это вроде каркаса из орешника для поддерживания клади на спине, в древние времена заменяла рюкзак. Кстати, довольно удобно – завернул в тент сколько тебе надо, привязал к поняге

ремнями и никаких хлопот с теснотой или лишним объемом.) В те времена довольно странно смотрелись даже самые приличные из нас – в штормовках, телогрейках и болотных сапогах.

Пить начинали обычно уже в поезде – и петь тоже. Шурик Макроусов со своей луженой глоткой легко мог перекрыть шум поезда, а поддавший народ подтягивал на все лады. «Мой фрегат давно уже на рейде,

Мачтами качает над волною,
Эй, налейте, сволочи, налейте,
Или вы поссоритесь со мною...»

После последнего дребезжащего аккорда ленинградской шестиструнки исполнялась песня, ставшая почти что гимном полевых работяг.

«Нам ночами весенними не спать на сене,
не крутить нам по комнатам дым своих папирос...

Перелетные ангелы летят на Север
И их нежные крылья обжигает мороз»

«От злой тоски не матерись» «Зеленый поезд (Слепой закат догорел и замер)» «Борт-проводницу

(А за бортом представляешь, как дует,
Вот и уходит Сибирь в горизонт,
В чахлой тайге и по талому льду я
Поднатаскался за этот сезон),

«Мы с тобой давно уже не те...» (Эту песню мы и сейчас часто поем – сегодня она особенно актуальна) и, конечно же, «От злой тоски не матерись», «Над поздней ягодой брусникой горит холодная заря». Позже я узнал, что как минимум четыре песни из тех, что приведены выше, принадлежат перу Александра Городницкого.

Время года никакой роли не играло, так же не обращали внимания и на погоду. Палатками не пользовались, потому что прогреть палатку при минусе десяти довольно тяжело. Обычно делали нодью, (постоянно горящий костер из лежащих бревен – обычно двух. Если они достаточно толстые, то горят примерно сутки.) ставили рядом тенты и наслаждались теплом, валяясь на кучах лапника.

Хотя приходилось спать, и зарывшись в снег. Я этим особенно отличался – надоедали вопли и песни и, традиционно отметаив харчи, я надувал резиновый матрац, закутывался в спальник и валялся прямо в сугробы. Частенько утром меня находили только по протаявшей от дыхания дыре в снегу. Меня будили, давали водки – и я продолжал горлопанить вместе со всеми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.